

1001 ночь.

Рассказ портного

Знай, о царь нашего времени, – вот самое удивительное, что со мной вчера случилось и произошло. Прежде чем встретить горбатого, я был в начале дня на пиру у одного из моих друзей, у которого собралось около двадцати человек из жителей этого города, и среди нас были ремесленники: портные, плотники, ткачи и другие. И когда взошло солнце, нам подали кушанье, чтоб мы поели; и вдруг хозяин дома вошел к нам, и с ним юношачужеземец, красавец из жителей Багдада, одетый в какие ни на есть хорошие одежды и прекрасный, но только он был хромым. И он вошел к нам и приветствовал нас, а мы поднялись перед ним, и он подошел, чтобы сесть, но увидел среди нас одного человека, цирюльника, и отказался сесть и хотел уйти от нас. Но мы схватили этого юношу, и хозяин дома вцепился в него, и стал склонять его, и спросил: "Почему ты вошел и уходишь?" И юноша отвечал: "Ради Аллаха, господин мой, не противься мне ни в чем! Причина моего входа в этом злосчастном цирюльнике, что сидит здесь". И, услышав эти слова, хозяин долга пришел в крайнее удивление и сказал: "Как! Этот юноша из Багдада, и его сердце расстроилось из-за этого цирюльника!" А мы посмотрели на юношу и сказали ему: "Расскажи нам, в чем причина твоего гнева на этого цирюльника?"

"О собрание, – сказал тогда юноша, – у меня с этим цирюльником в моем городе Багдаде произошло такое дело: это из-за него я сломал себе ногу и охромел, и я дал клятву, что больше никогда не буду находиться с ним в одном и том же месте или жить в городе, где он обитает, – и уехал из Багдада, и покинул его, и поселился в этом городе; и сегодняшнюю ночь я проведу не иначе как в путешествии".

"Заклинаем тебя Аллахом, – сказали мы ему, – расскажи нам твою историю!"

И юноша начал (а лицо цирюльника пожелтело): "О люди, знайте, что отец мой был одним из больших купцов Багдада, и Аллах великий не послал ему детей, кроме меня. И когда я вырос и достиг возраста мужей, мой отец преставился к милости великого Аллаха и оставил мне деньги, и слуг, и челядь, и я стал хорошо одеваться и хорошо есть. Но Аллах внушил мне ненависть к женщинам. И в какой-то из дней я шел по переулкам Багдада" и мне встретилась на дороге толпа женщин, и я убежал и спрятался в тупике и присел в конце его на скамейку. И не просидел я минуты, как вдруг около дома, стоявшего там, где я был, открылось, и в нем показалась девушка, подобная луне в полнолуние, равной которой по красоте я не видел, и она поливала цветы, бывшие на окне. И девушка повернулась направо и налево и закрыла окно и ушла, и ненависть превратилась в любовь, и я просидел все время до заката солнца, исчезнув из мира. И вдруг едет кади нашего города, и впереди него рабы, а сзади слуги; и он сошел и вошел в дом, откуда показалась девушка, – и я понял, что это ее отец. Потом я отправился в свое жилище огорченный и упал, озабоченный, на постель; и ко мне вошли мои невольницы и сели вокруг меня, не зная, что со мной, а я не обратил к ним речи, и они заплакали и опечалились обо мне.

И ко мне вошла одна старуха и увидела меня, и от нее не укрылось мое состояние. Она села у моего изголовья и ласково заговорила со мной и сказала: "О дитя мое, скажи мне, что с тобой случилось, и я сделаю все для того, чтобы свести тебя с возлюбленной". И когда я рассказал ей свою историю, она сказала: "О дитя мое, это дочь кади Багдада, и она сидит взаперти; то место, где ты ее видел, – ее комната, а у ее отца большое помещение внизу; и она сидит одна. Я часто к ним захожу, и ты познаешь единение с нею только через меня, – подтянись же!"

И, услышав ее речь, я открыл свою душу. И мои родные обрадовались в этот день, и наутро я был здоров. И старуха отправилась и вернулась с изменившимся лицом к сказала: "О дитя мое, не спрашивай, что мне было от нее! Когда я сказала ей об этом, она ответила мне: "Если ты, злосчастная старуха, не бросишь таких речей, я, поистине, сделаю с тобою то, что ты заслуживаешь!" Но я непременно вернусь к ней в другой раз". И когда я услышал это, моя болезнь еще усилилась.

А через несколько дней старуха пришла и сказала: "О дитя мое, я хочу от тебя подарка!" И когда я услышал от нее это, душа вернулась ко мне, и я воскликнул: "Тебе будет всякое благо!" А она сказала: "Вчера я пришла к девушке, и, увидев, что у меня разбито сердце и глаза мои плачут, она сказала мне: "Тетушка, что это у тебя, я вижу, стеснена грудь?" И когда она сказала мне это, я заплакала и ответила: "О госпожа, я пришла к тебе от юноши, который тебя любит, и он из-за тебя близок к смерти". И она спросила (а сердце ее смягчилось): "Откуда этот юноша, о котором ты упомянула?" И я ответила: "Это мой сын, плод моего сердца; он увидел тебя в окне несколько дней назад, когда ты поливала цветы, и, взглянув в твое лицо, обезумел от любви к тебе; и когда я сказала ему в первый раз, что случилось у меня с тобою, его болезнь усилилась, и он не покидает подушек. Он не иначе как умрет, несомненно". И она воскликнула (л лицо ее пожелтело): "И все это из-за меня?" И я отвечала: "Да, клянусь Аллахом! Чего же ты хочешь?" – "Пойди передай ему от меня привет и скажи, что со мной происходит во много раз больше того, что с ним, – сказала она. Как будет пятница, пусть он придет к дому перед молитвой, и когда он придет, я спущусь, открою ему ворота и проведу его к себе, и мы немного побудем вместе с ним; и он вернется раньше, чем мой отец придет с молитвы".

И когда я услышал слова старухи, мучения, которые я испытывал, прекратились и мое сердце успокоилось. Я дал ей одежды, которые были на мне, и она ушла, сказавши: "Успокой свое сердце"; а я молвил: "Во мне не осталось никакого страдания". И мои родные и друзья обрадовались моему выздоровлению.

И так продолжалось до пятницы. И вот старуха вошла ко мне и спросила о моем состоянии, и я сообщил ей, что нахожусь в добром здоровье, а затем я надела свои одежды и умастился и стал ожидать, когда люди пойдут на молитву, чтобы отправиться к девушке. И старуха сказала мне: "Время у тебя еще есть, и если бы ты пошел в баню и снял свои волосы, в особенности поело сильной болезни, это было бы хорошо". И я ответил ей: "Это правильно, но я обрею голову, а после схожу в баню".

И потом я послал за цирюльником, чтобы обрить себе голову, и сказал слуге: "Пойди на рынок и приведи мне цирюльника, который был бы разумен и не болтлив, чтобы у меня не треснула голова от его разговоров"; и слуга пошел и привел этого зловредного старца. И, войдя, он приветствовал меня, и я ответил на его приветствие, и он сказал мне: "Я вижу, ты отощал телом"; а я отвечал: "Я был болен". И тогда он воскликнул: "Да удалит от тебя Аллах заботу, горе, беду и печали!"

"Да примет Аллах твою молитву!" – сказал я; и цирюльник воскликнул: "Радуйся, господин мой, здоровье пришло к тебе! Ты хочешь укоротить волосы или пустить кровь? Дошло со слов ибн Аббаса – да будет доволен им Аллах! – что пророк говорил: "Кто подрежет волосок в пятницу, от того будет отвращено семьдесят болезней"; и с его же слов передают, что он говорил: "Кто в пятницу поставит себе пиявки, тот в безопасности от потери зрения и множества болезней".

"Оставь эти разговоры, встань сейчас же, обрей мне голову, я человек слабый!" – сказал я; и цирюльник встал и, протянув руку, вынул платок и развернул его, – у вдруг в нем оказалась астроблябия с семью дисками, выложенными серебром. И цирюльник взял ее и, выйдя на середину дома, поднял голову к лучам солнца и некоторое время смотрел, а потом сказал: "Знай, что от начала сегодняшнего дня, то есть дня пятницы – пятницы десятого сафара, года шестьсот шестьдесят третьего от переселения пророка (наилучшие молитвы и привет над ним!) и семь тысяч триста двадцатого от времени Александра, – прошло восемь градусов и шесть минут, а в восхождении в сегодняшний день, согласно правилам науки счисления, Марс, и случилось так, что ему противостоит Меркурий, а это указывает на то, что брить сейчас волосы хорошо, и служит мне указанием, что ты желаешь встретиться с одним человеком, и это будет благоприятно, но после случатся разговоры и вещи, о которых я тебе не скажу".

"Клянусь Аллахом, – воскликнул я, – ты надоел мне и сделал мне нехорошее предсказание, а я призвал тебя лишь затем, чтобы побрить мне голову! Пошевеливайся же, выбрей мне голову и не затягивай со мной разговор!" – "Клянусь Аллахом, – отвечал цирюльник, – если бы ты знал, что с тобой случится, ты бы ничего сегодня не делал. Советую тебе поступать так, как я тебе скажу, ибо я говорю на основании расчета по звездам".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И я сказал: "Клянусь Аллахом, я не видел цирюльника, умелого в науке о звездах, кроме тебя, но я знаю и ведаю, что ты говоришь много пустяков. Я позвал тебя лишь для того, чтобы привести в порядок мою голову, а ты пришел ко мне с этими скверными речами". – "Хочешь ли ты, чтобы я прибавил тебе еще? – спросил цирюльник. – Аллах послал тебе цирюльника–звездочета, сведущего в белой магии, в грамматике, синтаксисе, риторике, красноречии, логике, астрономии, геометрии, правоведении, преданиях и толкованиях Корана, и я читал книги и вытвердил их, принимался за дела и постигал их, выучил науки и познал их, изучил ремесла и усвоил их и занимался всеми вещами и брался за них. Твой отец любил меня за мою малую болтливость, и поэтому служить тебе моя обязанность; но я не болтлив, и не такой, как ты говоришь, и зовусь поэтому молчаливым, степенным. Тебе бы следовало восхвалить Аллаха и не прекословить мне, – я тебе искренний советчик, благосклонный к тебе, и я хотел бы быть у тебя в услужении целый год и чтобы ты воздал мне должное, и я не желаю от тебя платы за это".

И, услышав это от него, я воскликнул: "Ты убьешь меня сегодня, несомненно..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до тридцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша сказал цирюльнику: "Ты убьешь меня в сегодняшней день!" И цирюльник ответил: "О господин мой, я тот, кого люди называют Молчальником за малую болтливость в отличие от моих шести братьев, ибо моего старшего брата зовут аль–Бакбук, второго – аль–Хаддар, третьего – Факик, имя четвертого – аль–Куз–аль–Асвани, пятого аль–Фашшар, и шестого – Шакашик, а седьмого зовут ас–Самит [61], – и это я".

И когда цирюльник продлил свои речи, – говорил юноша, – я почувствовал, что у меня лопается желчный пузырь, и сказал слуге: "Дай ему четверть динара, и пусть он уйдет от меня, ради лика Аллаха! Не нужно мне брить голову!" Но цирюльник, услышав, что я сказал слуге, воскликнул: "Что это за слова, о господин! Клянусь Аллахом, я не возьму от тебя платы, пока не услужу тебе, и служить тебе я непременно должен! Я обязан тебе прислуживать и исполнять то, что тебе нужно, и я не подумаю взять с тебя деньги. Если ты не знаешь мне цены, то я знаю тебе цену, и твой отец, да помилует его Аллах великий, оказал нам милости, ибо он был великодушен. Клянусь Аллахом, твой отец послал за мной однажды, в день, подобный этому благословенному дню, и я вошел к нему (а у него было собрание друзей), и он сказал мне:

"Отвори мне кровь!" И я взял астроябию и определил ему высоту и нашел, что положение звезд для него неблагоприятно и что пустить кровь при этом тяжело, и осведомил его об этом; и он последовал моим словам и подождал, а я произнес во хвалу ему:

Пришел к господину я, чтоб кровь отворить ему.

Но вижу, пора не та, чтоб телу здоровым быть.

И сел я беседовать о всяких диковинах,

И знания свои перед ним я мудро развертывал.

По сердцу ему пришлось внимать мне, и молвил он:

"Ты знания прошел предел, о россыпь премудрости!"

И я отвечал: "Когда б не ты, о владыка всех,

Излил на меня познания, не был бы мудрым я.

Владеешь ты щедростью, и даром, и милостью,

О кладезь познания, рассудка и кротости!"

И твой отец пришел в восторг и кликнул слугу и сказал ему: "Дай ему сто три динара и одежду!" – и отдал мне все это; а когда пришел похвальный час, я отворил ему кровь. И он не прекословил мне и поблагодарил меня, и собравшиеся, которые присутствовали, поблагодарили меня. И после кровопускания я не мог молчать и спросил его: "Ради Аллаха, господин мой, чем вызваны твои слова: "Дай ему сто три динара?" И он ответил: "Динар за звездочетство, динар за беседу и динар за кровопускание, а сто динаров и одежду – за твою похвалу мне".

"Да помилует Аллах моего отца, который знал подобного тебе!" – воскликнул я; и этот цирюльник рассмеялся и сказал: "Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха! Слава тому, кто изменяет, по сам не изменяется! Я считал тебя разумным, но ты заговариваешься от болезни. Сказал Аллах в своей великой книге: "Подавляющие гнев и прощающие людям", – и ты во всяком случае прощен. Я не ведаю причины твоей поспешности, и ты знаешь, что твой отец и дед ничего не делали без моего совета. Ведь сказано: советчик достоин доверия, и не обманывается тот, кто советуется; а одна поговорка говорит: у кого нет старшего, тот сам не старший. Порт сказал:

Когда соберешься, что нужно, свершить,

Советуйся с мудрым и слушай его. Ты не найдешь никого, более сведущего в делах, чем я, и я стою на ногах, прислуживая тебе, и ты мне не наскучил, – так как же это я наскучил тебе? Но я буду терпелив с тобою ради тех милостей, которые оказал мне твой отец".

"Клянусь Аллахом, о ослиный хвост, ты затянул свои разговоры и продолжил надо мной свою речь! Я хочу, чтобы ты обрил мне голову и ушел от меня!" – воскликнул я. И тогда цирюльник смочил мне голову и сказал: "Я понимаю, что тебя охватила из–за меня скука, но я не виню тебя, так как твой ум слаб и ты ребенок, и еще вчера я сажал тебя на плечо и носил в школу". – "О брат мой, заклинаю тебя Аллахом, потерпи и помолчи, пока мое дело будет сделано, и иди своей дорогой!" – воскликнул я и разорвал на себе одежды. И, увидев, что я это сделал, цирюльник взял бритву и начал ее точить, и точил ее, пока мой ум едва не покинул меня, а потом он подошел и обрил часть моей головы, после чего поднял руку и сказал: "О господин, поспешность – от дьявола, а медлительность – от милосердия! И он произнес:

Помедли и не спеши к тому, чего хочешь ты,

И к людям будь милостив, чтоб милость к себе найти,

Над всякою десницею десница всевышнего,

И всякий злодей всегда злодеем испытан был".

"О господин мой, – сказал он потом, – я не думаю, чтобы ты знал мое высокое положение: моя рука упадет на головы царей, эмиров, везирей, мудрецов и достойных, ибо мне сказал поэт:

Ремесла – что нити камней дорогих,

А этот цирюльник – что жемчуг среди них"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Вознесся над мудрыми он высоко

И держит под дланями главы царей".

И я воскликнул: "Оставь то, что тебя не касается, ты стеснил мою грудь и беспокоил мое сердце!" А цирюльник спросил: "Мне кажется, ты торопишься?" – "Да, да, да!" – крикнул я; и тогда он сказал: "Дай себе время: поспешность – от сатаны, и она порождает раскаяние и разочарование. Сказал кто-то – приветствие и молитва над ним! – лучшее из дел то, в котором проявлена медлительность! А мне, клянусь Аллахом, твое дело внушает сомнение. Я желал бы, чтобы ты мне сообщил, на что ты вознамерился: я боюсь, что случится нечто другое. Ведь до времени молитвы осталось три часа. Я не хочу быть в сомнении насчет этого, – добавил он, но желаю знать время наверное, ибо, когда мечут слова в неведомое, – это позор, в особенности для подобного мне, так как среди людей объявилась и распространилась слава о моих достоинствах, и мне не должно говорить наугад, как говорят обычно звездочеты".

И он бросил бритву и, взяв астроябю, пошел под солнце и долгое время стоял, а потом возвратился и сказал мне: "До времени молитвы осталось три часа – ни больше, ни меньше".

"Ради Аллаха, замолчи, – воскликнул я, – ты пронзил мою печень!" И цирюльник взял бритву и стал точить ее, как и в первый раз, и обрил мне часть головы и сказал: "Я озабочен твоей поспешностью, и если бы ты сообщил мне о ее причине, это было бы лучше для тебя: ты ведь знаешь, что твой отец и дед ничего не делали, не посоветовавшись со мною". И я понял, что мне от него нет спасения, и сказал себе: "Пришло время молитвы, а я хочу пойти к девушке раньше, чем народ выйдет с молитвы. Если за держусь на минуту – не знаю, каким путем войти к ней!"

"Сократись и оставь эти разговоры и болтовню, – сказал я, – я хочу пойти на пир к одному из моих друзей". И цирюльник, услышав упоминание о пире, воскликнул: "Этот день – день благословенный для меня! Вчера я пригласил несколько моих приятелей и забыл позаботиться и приготовить им что-нибудь поесть, а сейчас я подумал об этом. О, позор мне перед ними!" – "Не заботься об этом деле, раз ты узнал, что я сегодня на пиру, – сказал я. – Все, что есть в моем доме из кушаний и напитков, будет тебе, если ты закончишь мое дело и поспешишь обрить мне голову".

"Да воздаст тебе Аллах благом! Опиши мне, что у тебя есть для моих гостей, чтобы я знал это", – сказал цирюльник; и я ответил: "У меня пять родов кушанья, десять подрумяненных кур и жареный ягненок". – "Принеси это, чтобы мне посмотреть!" – воскликнул цирюльник; и я велел принести все это. И, увидев кушанья, он сказал мне: "Остаются напитки!" – "У меня есть", – отвечал я; и цирюльник воскликнул: "Принеси их!" И я принес их, и он сказал: "Ты достоин Аллаха! Как благородна твоя душа! Но остаются еще курения и благовония". И я дал ему сверток, где был алоэ и мускус, стоящие пятьдесят динаров.

А времени стало мало, и моя грудь стеснилась, и я сказал ему: "Возьми это и обрей мне всю голову, и заклинаю тебя жизнью Мухаммеда, – да благословит его Аллах и да приветствует!" Но цирюльник воскликнул: "Клянусь Аллахом, я не возьму этого, пока не увижу всего, что там есть!" И я приказал слуге развернуть сверток, и цирюльник выронил из рук астроябю и, сел на Землю, стал рассматривать благовония, курения и алоэ, бывшие в свертке, пока у меня не стеснилась грудь. А потом он подошел, взял бритву и, обрив небольшую часть моей головы, произнес:

"Ребенок растет таким, каким был его отец;

От корня, поистине, вздымается дерево.

Клянусь Аллахом, о дитя мое, – сказал он, – не знаю, благодарить ли тебя, или благодарить твоего отца, так как весь мой сегодняшний пир это часть твоей милости и благодеяния. Но у меня нет никого, кто бы этого заслуживал, – у меня почтенные господа вроде Зваута – баневладельца, Салия – зерноторговца, Салита – торговца бобами, Суайда – верблюжатника, Сувейда – носильщика, Абу-Мукариша – банщика, Касима – сторожа и Карима – конюха, Пкриши – зеленщика, Хумейда – мусорщика; и среди них нет человека надоедливого, буйного, болтливое или тягостного, и у каждого из них есть пляска, которую он пляшет, и стихи, которые он говорит. Но лучше в них то, что они, как твой слуга и невольник, не знают многоречивости и болтливости. Владелец бани – тот поет под бубен нечто волшебное и пляшет и распевает: "Я пойду, о матушка, наполню мой кувшин!" Зерноторговец показывает уменье еще лучшее: и пляшет и поет: "О плакальщица, владычица моя, ты ничего не упустила!" – и у всех отнимает душу, – так над ним смеются. А мусорщик так поет, что останавливает птиц: "Новость у моей жены – точно в большом сундуке", и он красавец и весельчак, и о его красоте я сказал:

"За мусорщика я жизнь отдам из любви к нему.

Сколь нежен чертами он и гибок, как ветка!

Однажды его судьба послала, и молвил я

(А страсть то росла во мне, то снова спадала):

"Разжег в моем сердце ты огонь!" И ответил он:

"Не диво, что мусорщик вдруг стал кочегаром".

И каждый из них в совершенстве развлекает ум веселым и смешным. Но рассказ – не то, что лицезрение, – добавил он, – и если ты предпочтешь явиться к нам, это будет любезнее и нам и тебе. Откажись от того, чтобы идти к твоим друзьям, к которым ты собрался; на тебе еще видны болезни, и, может быть, ты пойдешь к людям болтливым, которые говорят о том, что их не касается, или среди них окажется болтун, и у тебя заболит горло".

"Это будет когда-нибудь в другой день, – ответил я к засмеялся от гневного сердца. – Сделай мое дело, и я пойду, хранимый Аллахом всевышним, а ты отправляйся к своим друзьям: они ожидают твоего прихода".

"О господин, – сказал цирюльник, – я хочу только свести тебя с этими прекрасными людьми, сынами родовитых, в числе которых нет болтунов и многоречивых. С тех пор как я вырос, я совершенно не могу дружить с кем, кто спрашивает о том, что его не касается, и веду дружбу лишь с теми, кто, как я, немногословен. Если бы ты сдружился с ними и хоть один раз увидел их, ты бы оставил всех своих друзей". – "Да завершит Аллах благодаря и твою радость! Я непременно приду к ним в какой-нибудь день", сказал я. И цирюльник воскликнул: "Я хотел бы, чтобы это было в сегодняшней день! Если ты решил отправиться со мною к моим друзьям, дай мне снести к ним то, что ты мне пожаловал, а если ты непременно должен идти сегодня к твоим приятелям, я отнесу эти щедроты, которыми ты меня почтил, и оставлю их у моих друзей, – пусть едят и пьют и не ждут меня, – а затем я вернусь к тебе и пойду с тобою к твоим друзьям. Между мной и моими приятелями нет стеснения, которое помешало бы мне их оставить; я быстро вернусь к тебе и пойду с тобою, куда бы ты ни отправился". – "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – воскликнул я. Иди к твоим друзьям и веселись с ними и дай мне пойти к моим приятелям и побыть у них сегодня: они меня ждут". – "Я не дам тебе пойти одному", отвечал цирюльник. И я сказал: "Туда, куда я иду, никто не может пойти, кроме меня". Но цирюльник воскликнул: "Я думаю, ты условился с какой-нибудь женщиной, иначе ты бы взял меня с собою. Я имею на это больше права, чем все люди, и я помогу тебе в том, что ты хочешь; я боюсь, что ты пойдешь к чужой женщине и твоя душа пропадет. В этом городе, Багдаде, никто ничего такого не может делать, в особенности в такой день, как сегодня, п наш вали в Багдаде – человек строгий, почтенный".

"Горе тебе, скверный старик, убирайся! С какими словами ты ко мне обращаешься!" – воскликнул я. И цирюльник сказал: "О глупец, ты думаешь: как ему не стыдно! – и таишься от меня, но я это понял и удостоверился в этом, и я хочу только помочь тебе сегодня сам.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И я испугался, что мои родные и соседи услышат слога цирюльника, и долго молчал. А нас настиг час молитвы, и пришло время проповеди; и цирюльник кончил брить мне голову, и я сказал ему: "Пойди к твоим друзьям с этими кушаньями и напитками; я подожду, пока ты вернешься, и ты пойдешь со мною".

И я не переставал подмазывать этого проклятого и обманывать его, надеясь, что он, может быть, уйдет от меня, но он сказал: "Ты меня обманываешь и пойдешь один и ввергнешься в беду, от которой тебе нет спасения. Аллахом заклинаю тебя, не уходи же, пока я не вернусь, и я пойду с тобой и узнаю, как исполнится твое дело". – "Хорошо, не заставляй меня ждать", – сказал я; и этот проклятый взял кушанья, напитки и прочее, что я дал ему, и ушел от меня, и отдал припасы носильщику, чтобы тот отнес их в его дом, а сам спрятался в каком-то переулке. А я тотчас же встал (а муэдзины уже пропели приветствие пророку) и надел свои одежды и вышел один, и пришел в тот переулочек и встал возле дома, в котором я увидел девушку, и оказалось, что та старуха стоит и ждет меня. И я поднялся с нею в покой, где была девушка, и вошел туда, и вдруг вижу: владелец дома возвратился к свое жилище с молитвы и вошел в дом и запер ворот. И я взглянул из окна вниз и увидел, что этот цирюльник – проклятье Аллаха над ним! – сидит у ворот. "Откуда этот черт узнал про меня?" – подумал я; и в эту минуту, из-за того что Аллах хотел сорвать с меня покров своей защиты, случилось, что одна из невольниц хозяина дома совершила какое-то упущение, и он стал ее бить, и она закричала, и его раб вошел, чтобы выручить ее, но хозяин побил его, и он тоже закричал. И проклятый цирюльник решил, что хозяин дома бьет меня, и закричал, и разорвал на себе одежду, и посыпал себе голову землей, и стал вопить и взывать о помощи. А люди стояли вокруг него, и он говорил: "Убили моего господина в доме кади!"

Потом он пошел, крича, к моему дому, а люди шли за ним следом и оповестили моих родных и слуг; и не успел я опомниться, как они уже подошли в разорванной одежде, распустив волосы и крича: "Увы, наш господин!" А этот цирюльник идет впереди них, в разорванной одежде, и кричит, а народ следует за ним. И мои родные все кричали, а он кричал среди шедших первыми, и они вопили: "Увы, убитый! Увы, убитый!" – и направлялись к тому дому, в котором был я.

И хозяин дома услышал шум и крик у ворот и сказал кому-то из слуг: "Посмотри, что случилось". И слуга вышел и вернулся к своему господину и сказал: "Господин, у ворот больше десяти тысяч человек, и мужчин и женщин, и они кричат: "Увы, убитый!" – и показывают на наш дом". И когда кади услышал это, дело показалось ему значительным, и он разгневался и, поднявшись, вышел и открыл ворота. И он увидел большею толпу и оторопел и спросил: "О люди, в чем дело?" И мои слуги закричали ему: "О проклятый, о собака, о кабан, ты убил нашего господина!" И кади спросил: "О люди, а что сделал ваш господин, чтобы мне убить его?.."

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать первая ночь

Когда же настала тридцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что кади спросил: "Что сделал ваш господин, чтобы мне убить его? Вот мой дом перед вами".

И цирюльник сказал ему: "Ты сейчас бил его плетью, и я слышал его вопли". – "Но что же он сделал, чтобы мне убить его, и кто его ввел в мой дом, и куда, и откуда?" – спросил кади. И цирюльник воскликнул: "Не будь скверным старцем! Я знаю эту историю и все обстоятельство. Твоя дочь любит его, и он любит ее, и когда ты узнал, что он вошел в твой дом, ты приказал твоим слугам, – и они его побили. Клянусь Аллахом, или нас с тобою рассудит только халиф, или выведи к нам нашего господина, чтобы его родные взяли его раньше, чем я войду и выведу его от вас и ты будешь пристыжен".

И кади ответил (а он говорил словно взнуданный, и его окутал стыд перед людьми): "Если ты говоришь правду, входи сам и выведи его".

И цирюльник одним прыжком вошел в дом; и, увидев, что он вошел, я стал искать пути к выходу и бегству, но не нашел его раньше, чем увидел в той комнате, где я находился, большой сундук. И я влез туда и закрыл над собой крышку и задержал дыхание. А цирюльник вошел в комнату и, едва войдя туда, снова стал меня искать и принялся соображать, в каком я месте, и повернувшись направо и налево, подошел к сундуку, где я был, и понес его на голове, – и все мое мужество исчезло. Цирюльник торопливо пошел; и поняв, что он не оставит меня, я открыл сундук и выбросился на землю – и сломал себе ногу. И врага распахнулись, и я увидел у ворот толпу.

А у меня в рукаве было много золота, которое я приготовил для дня, подобного этому, и для такого дела, как это, – и я стал сыпать это золото людям, чтобы они отвлеклись им. И люди стали хватать золото и занялись им, а я побежал по переулкам Багдада направо и налево, и этот проклятый цирюльник бежал за мной, и куда бы я ни входил, цирюльник входил за мною следом и говорил: "Они хотели огорчить меня, сделав зло моему господину! Слава Аллаху, который помог мне и освободил моего господина? из их рук! Твоя неосмотрительность все время огорчала меня; если бы Аллах не послал меня тебе, ты бы не спасся от беды, в какую попал, и тебя бы ввергли в бедствие, от которого ты никогда бы не спасся. Сколько же ты хочешь, чтобы я для тебя жил и выручал тебя? Клянусь Аллахом, ты погубил меня своею неосмотрительностью, а ты еще хотел идти один! Но мы не взыщем с тебя за твою глупость, ибо ты малоумен и тороплив".

"Мало тебе того, что случилось, – ты еще бегаешь за мною и говоришь мне такие слова на рынках!" – воскликнул я, и душа едва не покинула меня из-за сильного гнева на цирюльника. И я вошел в хан, находившиеся посреди рынка, и попросил защиты у хозяина, и он не пустил ко мне цирюльника. Я сел в одной из комнат и говорил себе: "Я уже не могу расстаться с этим проклятым цирюльником, и он будет со мною и днем и ночью, а у меня нет духу видеть его лицо!"

И я тотчас же послал за свидетелями и написал завещание своим родным, и разделил свои деньги, и назначил за этим наблюдающего, и приказал ему продать дом и земли, и дал ему указания о больших и о малых родичах, и выехал, и с того времени я странствую, чтобы освободиться от этого сводника. Я приехал и поселился в вашем городе и прожил здесь некоторое время, и вы пригласили меня, и вот я пришел к вам и увидел у вас этого проклятого сводника на почетном месте. Как же может быть хорошо моему сердцу пребывать с вами, когда он сделал со мною такие дела и моя нога из-за него сломана?"

И после этого юноша отказался есть; и, услышав его историю, мы спросили цирюльника: "Правда ли то, что говорит про тебя этот юноша?" И он отвечал: "Клянусь Аллахом, я сделал это с ним вследствие моего знания, разума и мужества, и если бы не я, он бы, наверно, погиб. Причина его спасения – только во мне, и хорошо еще, что пострадала его нога, но не пострадала его душа. Будь я многоречив, я бы не сделал ему добра, но вот я расскажу вам историю, случившуюся со мною, и вы поверите, что я мало говорю и нет во мне болтливости в отличие от моих шести братьев."